

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД в современной школе

Юрий Васильевич Крупнов,
лауреат Премии Президента РФ в области образования,
член экспертного совета при Совете безопасности РФ, Москва

Владимир Павлович Хрыков,
директор Центра стратегического развития,
учитель Большеорловской общеобразовательной школы,
Нижегородская область

• труд • образование • воспитание • традиционные ценности

Современная школа, на законодательном уровне призванная оказывать некие образовательные услуги, а с июня 2022 года реализовывать некую образовательную программу, исключила из своей целевой функции труд. И даже создание советников директора школы по воспитанию и понимание воспитания как списка мероприятий с пометкой «программа по воспитанию» не сформировали и не могут сформировать в школе ту сущность, которая нужна для социализации учеников как созидательных трудящихся личностей.

В период СССР главный закон страны прямо определял понятие труда. Конституция СССР 1977 года, например, в статье 14 гласила, что «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей. В соответствии с принципом социализма “От каждого — по способностям, каждому — по труду” государство осуществляет

контроль за мерой труда и потребления. Оно определяет размер налога на доходы, подлежащие налогообложению. общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека».

Сейчас же созидательный продуктивный труд никак не определяется в высшем государственном законе. Статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «труд свободен», что «принудительный труд запрещён», что «каждый имеет право на труд» и даже на «трудовые споры». Совершенно непонятно, что этим хотели сказать авторы Конституции.

Таким образом, труд не является сегодня значимым для подрастающего поколения не случайно, а постольку, поскольку он не является значимым, как определяет нынешний основной закон, и для всего государства. Соответствующим образом все законодательные инициативы также

идут в логике некоего свободного труда, а по сути, антитруда.

Председатель комиссии Общественной палаты (ОП) РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Сергей Рыбальченко, говоря о движении «Большая перемена», заявил, что «прежде всего оно должно основываться на традиционных нравственно-духовных ценностях, в том числе семейных. Однако среди всех этих ценностей, базовыми являются — созидательный труд, общественно полезная деятельность и служение Родине». Тем самым, актуальность проблемы организации созидательного труда в настоящее время обсуждается на государственных площадках, но законодательные инициативы идут вразрез с этими обсуждениями. Применяемое понятие созидательный труд можно сравнить с образовательным процессом, который ввёл педагог А. С. Макаренко, назвав термином «труд-забота».

Современная российская школа перегружена теорией, при этом теория никак не связывается с реальной жизнью и не демонстрирует опыт её внедрения, а общественная внеурочная жизнь больше похожа на отбывание наказания, либо прямое развлечение (отдых), а не на созидание и заботу. Представляется интересной психологическая дихотомия, что расслабление (отдых) возможно только после напряжения (труда), иначе сам отдых превращается в подобие труда, квазитруд или угнетающий симулякр. Приведённая данность не создаёт ощущения реальной необходимости образования. Как говорят психологи, в такой ситуации даже если знания и продержатся до экзамена, то после него исчезнут без следа. Поэтому такой укоренившийся мотив среднего образования как поступление в вуз или иное профессиональное учебное заведение не может служить основополагающим воспитательно-образовательным средством, тем более средством формирования созидательного труда молодёжи. Несомненно, нужны какие-то иные формы школьного воспитания и образования, которые бы создавали предметность, осмысленность и жизненную реалистичность образования в школе, чтобы затем, как следствие, оно несло воспитательные функции, поскольку понят-

но, что воспитание это процесс опосредованный, возникающий вследствие деятельности окружающего мира и общества человека.

Проблема гигантской дезориентации подростков и молодёжи в отношении труда актуальна не только в России, но и в так называемых развитых странах мира. И дело не только в том, что в сознании молодёжи после двадцати лет «перестройки» и «реформ» теперь предельно разведены труд и — успех, заработок, карьера, и, более того, успех поставлен в прямую связь с нетрудом и антитрудом: удачей, везением, «талантом», связями («блатом»), собственным унижением, вплоть до прямого мошенничества или легальной кражи (захваты предприятий, искусственные банкротства и т. п.). Эта нравственная катастрофа унижения труда («работа дураков любит», «работа не волк, в лес не убежит») является одним из следствий утери в нашей стране и в мире в целом смысла и природы современного труда. Труд перестал быть ключевой категорией общественной жизни, и это связано не только с местными причинами, такими как общий развал позднесоветского строя, безобразными, как правило, условиями труда в совхозах и на заводах и нередко слабой его организацией, экономической незаинтересованностью и, наконец, бездарностью советского агитпропа (разнообразные попытки советской пропаганды 1970–80-х годов организовывать кампании по призыву старшеклассников «всем классом — в совхоз!» нельзя признать удачными или эффективными).

Философ и врач-психиатр А. Г. Данилин, рассуждая о создании нового человека, пишет: «Новый человек создавался христианством для вечной жизни в Боге. Поэтому ему требовалась свобода от оков рода и племенной религии. Как ни странно, эту свободу приносила... ответственность. Каждый христианин, пройдя таинство крещения, становился не рабом нового культа, а посвящённым».

Особым условием формирования созидающего человека является ответственность. Если нет ответственности, то нет ощущения греховности или собственной несостоятельности.

Оказалось же, что совсем в другой стране — благополучной Западной Германии — точно такие же трудности. И их никак нельзя свести к простому объяснению, например, что элитные виноградники это, мол, «отстой», и нечего молодёжь туда загонять. Не помогает тут и указание на конец индустриальной эпохи и переход к постиндустриальному труду, к «информационному обществу» или «обществу знаний», в котором основное место занимают офисные работы и применение информационных технологий.

В массе своей происходит не принципиальное усложнение и развитие труда, а фактический отказ от труда вообще и постановка в центр даже «трудовых процессов» развлечения и попыток получать вознаграждение без труда и даже за счёт отказа от труда. Выражается это в знакомых всем вещах: резко растёт количество и уровень доходов представителей так называемых «творческих» профессий, в то время как стоимость труда тех же педагогов (поскольку их профессия, вероятно, не является «творческой») неуклонно снижается по сравнению с экономической значимостью труда попов. Все начинают играть на бирже, пытаться срывать куш разом, стремиться к разовым выигрышным решениям любой ценой, когда «после нас хоть потоп».

Так, трудом называется функционирование, к примеру, молодых людей в Москве в системе транснациональных корпораций, занимающихся импортом в нашу страну продуктов питания (например, мяса), которые тем самым определяют продовольственную зависимость России. Точно таким же трудом называется у нас и производство отечественных продуктов питания фермером или агрофирмой. Разницы между ними для правительства, населения, налоговых органов никакой не существует. Более того, существует раз-

ница, и немалая, в доходах, рисках и условиях жизни — понятно, что не в пользу сельского жителя.

А вот воспитание детей в крепкой дружной семье, наоборот, трудом не считается, поскольку традиционно не имеет экономического выражения и вообще расценивается в качестве частного дела частных граждан. И это в ситуации демографической катастрофы в стране, когда самым дефицитным ресурсом страны становится труд, трудоспособное население.

Отказ от труда означает, прежде всего, расчеловечивание, деградацию человечности, утрату человеческой формы. И речь должна идти не только об отдельных людях, но и целых группах и массах.

Активность человека или сообщества является трудом тогда, когда производит заданное качество жизни, т. е., говоря марксистским языком, является общественно необходимой и востребуемой.

Проблема кризиса труда стоит и в психологическом аспекте. Вот, что пишет по этому поводу врач-психиатр и автор теории «Человек зависимый» А. Г. Данилин: «Одна личность обязана помогать другой личности преодолевать страдания. В этом — суть творчества, движение образа к подобию. Если этого нет — другой человек станет лишь вещью. Те люди, которым не удаётся стать продуктивными, постепенно замыкаются в состоянии поглощённости собой, при котором основным предметом заботы становятся лишь личные потребности и удобства. Они относятся к окружающим, как к вещам, считая возможным ими манипулировать. Стиль жизни человека, который зависит от вещей, людей и их идеологии, неминуемо поведёт своего владельца всё дальше по дороге зависимости, до тех пор, пока она не завершится диссоциацией личности» [1].

Последствия этого очевидны. И только преодолевая данное фактическое состояние,

можно выйти на проблему восстановления и развития труда в России и на проблему трудового воспитания. И тут Макаренко верно отмечает востребованность теоретических обоснований вместо понимания реальности, он пишет, что «педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей». Данный факт актуален и в настоящее время, когда образование выводится из теоретических бюрократических и отчётных конструкторов.

Тут стоит привести высказывание А. С. Макаренко о труде: «Труд “вообще” не является воспитательным средством. Воспитательным средством может быть такой труд, который организован определённым образом, с определённой целью, труд как часть всего воспитательного процесса». По сути, Макаренко говорит о государственных целях, наполняющих понятие «труд», который призван воспитывать. Макаренко верно ставит и проблему психологического тупика в определении неких характеристик человека, которые бы должны объяснить проблемы в образовании и воспитании. Он пишет: «Когда человека изучили, узнали и записали, что у него воля — А, эмоции — Б, инстинкт — В, то потом, что дальше делать с этими величинами, никто не знает».

При этом, стоит учитывать, что в детском возрасте мы вовсе не ощущаем себя «незрелыми», мы не чувствуем, что нам недостаёт каких-то знаний или способностей. Наоборот: ощущение незрелости и нехватки знаний у нас возникает, когда мы покидаем семью и начинаем самостоятельную жизнь.

В равном диалоге с учителем, родителем или другим взрослым ребёнок сам разыскивает истину, соответствующую его уникальной личности. Только в процессе равного диалога ребёнок может ощутить полученные знания как свои собственные, а не навязанные ему «сверху» [2].

Наконец, труд есть организованная и встроенная в систему социально-экономических и политических отношений деятельность. Так, решение задач определялось выдающими русскими советскими психологами

Д. Б. Элькониним и В. В. Давыдовым именно как деятельности по самопреобразованию, т.е. преобразованию учеником самого себя (Д. Б. Эльконин) или по освоению способов деятельности и определяющих их научных понятий (В. В. Давыдов).

Труд — это каждый раз тяжёлое усилие по воспроизводству своей человечности, качества жизни и системы деятельности. Труд складывается из духовно-волевого усилия, которым преодолевается хаос и разрушение всемирного целого и организуется мировое развитие.

Выдвигая и практически реализуя программное положение, что «только организация школы как хозяйства сделает её воспитывающей», А. С. Макаренко выступал против подчинения интересов образования и воспитания непосредственным производственным интересам. Логика была в том, что высокоэффективное передовое и сложноорганизованное производство задаёт такие требования к подросткам, что возникает возможность эффективного образования и воспитания, возникает серьёзная ответственность. Хозяйство должно быть образцовым, совершенным — именно это делает труд в таком хозяйстве не только высокопроизводительным и рентабельным, но и образцовым, а отсюда и воспитывающим.

Здесь стоит обратиться к позиции А. Г. Данилина, который пишет: «Существует только две психологические области в которых онтологически неуверенная личность чувствует себя достаточно комфортно. Во-первых, это ситуации социально запрограммированного поведения (служба в армии или работа на промышленном предприятии), а во-вторых — сфера фантазий. В воображении человеческое Я свободно управляет миром, которого так боится в реальности». При этом, стоит отметить, что для того, чтобы индивидуальность стала личностью, ей необходимо

творчество — осознание и создание собственного мира. В отсутствии творчества индивидуальность будет лишь пытаться найти всё новые симулякры — маски и барьеры, прячущие её от реальности. То, что Жан Бодрийяр называл «виртуальностью», философ Иван Ильин называет «властью пошлости».

Рассказывают, что в последний год работы Антона Семёновича в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского руководство НКВД (в чьей системе находилась коммуна) стало предлагать, чтобы «не мучать детей» и увеличить производительность завода, убрать с производства ребят и поставить на их место взрослых профессионалов. Макаренко ответил: «Мы здесь не фотоаппараты делаем, а людей».

Разумеется, воспитывал при этом не только подобный образцовый труд, но и учёба, быт, которые, опять же, организовывались именно как образцовые.

Как указывает Макаренко: «Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, трудоспособность, мы должны знать всё, чем должен отличаться, гордиться новый наш социалистический, коммунистический человек».

Поэтому центральным в методе Макаренко было создание образовательного сообщества, образовательность которого была центрирована на труд, производилась через труд и через данный образцовый труд получала свою полноту и истинность.

«В детском возрасте мы вовсе не ощущаем себя “незрелыми”; мы не чувствуем, что нам недостаёт каких-то знаний или способностей. Наоборот: ощущение незрелости и нехватки знаний у нас возникает, когда мы покидаем семью и начинаем самостоятельную жизнь.

В равном диалоге с учителем, родителем или другим взрослым ребёнок сам разывает истину, соответствующую его уникальной личности. Только в процессе равного диалога ребёнок может ощутить полученные знания как свои собственные, а не навязанные ему “сверху”» [2].

Детско-взрослый коллектив сам определял нормы и стиль жизни в своём сообществе, практически формировал единый динамичный социально-культурный организм. В определённой мере такое детско-взрослое хозяйствующее и самоуправляющееся сообщество напоминало античный полис, т.е. город-государство, и выступало оригинальной формой жизни.

Но стоит всё же понимать, что передовой труд потому и эффективен, что требует из макропроекта переходить в микроизучения наук, опыта и технологий. То есть увлечение высоким, мечта затем создают обязательное условие для понимания всех деталей процесса. Тем самым образование становится осмысленным и нужным, а не просто потому, что потом надо куда-то поступить или это кому-то вроде бы надо.

Важно отметить, что рост человека — это не знание множества мелких операций, а умение видеть работу системы. Несомненно, умение осуществлять мелкие операции конвейера важно, но простая совокупность знаний конвейерных операций не даёт качественный рост.

А. С. Макаренко совершенно справедливо считал, что для подготовки высококвалифицированного рабочего мало одних только трудовых навыков — необходима теоретическая подготовка для работы с высокотехнологичным оборудованием, а также экономические знания. Коммунары знакомились с вопросами себестоимости, расценок, прибыли, зарплаты. Они читали техническую и экономическую литературу, совершали экскурсии на лучшие заводы Харькова, изучали своё производство и искали реальные пути его совершенствования,

выявляли коммунаров — лучших рационализаторов и тех, кто наиболее экономно расходует материалы, устраивали дискуссии по отдельным вопросам организации управления производством.

Детско-взрослое производство (ДВП) — это передовое наукоёмкое и прибыльное (рентабельное) производство, в котором детский коллектив в образовательных целях занимает ведущие управленческие и исполнительские должности, что позволяет детям непосредственно участвовать в организации образцового труда и деятельности и в их описании, проектировании и перепроектировании, а для выполнения наиболее сложных и ответственных работ и консультационных функций приглашаются взрослые профессионалы.

Формой ДВП может быть, в частности, научно-образовательно-промышленная группа, что требует привлечения научной организации и/или университета. Для того, чтобы в детско-взрослых производствах обеспечивался действительно образцовый, т.е. самый передовой, высокорентабельный и правильно организованный труд, необходима организация системы детско-взрослых академий.

К несчастью, у нас очень мало людей, которые понимают сегодня, что такое промышленность (про-мышление) и промышленное, которые способны отойти, с одной стороны, от стереотипа больших заводских территорий

и дымных труб, а с другой стороны, преодолеть ещё более стереотипно-штампованный и пустой, вредный образ «постиндустриального, информационного общества», сводящего всё к безответственным и игривым «кликам» в интернете вне покорения природы и стихий, вне реальной жизни и усердного, потного труда.

Таким образом, стоит отметить, что созидательный труд в современной школе необходим как с точки зрения психологического, так и педагогического процесса. Строить же образовательную систему России стоит с определения политических целей государства и места образования в них, а также определения осмысленности в содержании образования и статуса Учителя в обществе и государстве. Данные факторы позволят сформировать иное отношение к труду как образовательному и воспитательному феномену, а, по сути, зададут новые общественные отношения, стандарты социального и государственного строительства. **НО**

Список использованных источников:

1. Homo servus: человек зависимый / А. Г. Данилин. М.: Зебра Е, 2009.
2. Воспитание Пиноккио, или Уроки самостоятельного мышления / Александр Данилин. М.: Исолог, 2014.
3. Крупнов Ю. В. Возвращение труда // http://www.kroupnov.ru/5/259_1.shtml